

УДК 355+358

О ВОЕННЫХ ИННОВАЦИЯХ И СТРАТЕГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ В США

© 2013 г. **Г.Б. Корсаков***

*Институт мировой экономики и международных отношений
РАН, Москва*

В статье исследуются различные аспекты новой революции в военном деле и её влияния на процесс реформирования вооружённых сил США, анализируются непрекращающиеся дискуссии в американском стратегическом сообществе по этим вопросам. Рассматриваются работы довольно большого количества американских аналитиков, в которых раскрываются значение и роль инноваций в системе военного строительства США в рамках складывающегося нового мирового силового баланса.

Ключевые слова: *революция в военном деле, стратегическое мышление, инновационные технологии, стратегическое сдерживание Китая, военно-стратегическое превосходство, глобальное проецирование силы, качественное усиление военной мощи.*

С начала 1990-х годов в США на страницах научных журналов и специализированных изданий не прекращаются дискуссии по поводу так называемой революции в военном деле (РВД)** и связанным с ней процессом реформирования вооружённых сил. Главным камнем преткновения среди американского экспертного сообщества служит дилемма: стоит ли активно поддерживать революцию в военном деле или в сфере военного строительства следует действовать с большой осторожностью. При этом первый вариант требует значительных финансовых средств на разработку *прорывных* военных технологий, что в условиях ограниченности бюджетных средств чревато большим риском и возможными негативными последствиями.

Инновационные технологии в системе военного строительства

Главной целью военно-политического руководства США в области создания новейших военных технологий провозглашено «обеспечение боевых подразделений более передовыми по сравнению с вооружёнными силами других стран и доступными по стоимости системами вооружений, позволяющими американским ВС решать возложенные на них задачи и дающими им револю-

* **КОРСАКОВ** Георгий Борисович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник ИМЭМО РАН.

** Подробнее см.: *Корсаков Г.Б.* Новая революция в военном деле и реформирование вооружённых сил США // США ♦ Канада. 2002. № 10. – Ред.

ционные возможности для одержания победы» [29]. Имеются в виду, прежде всего, технологии «стелс», средства ночного видения, адаптивная оптика, высокоэнергетические лазеры, радары с фазированной антенной решёткой, спутниковые средства связи, разведки, навигации и управления, двигательные установки на альтернативных источниках энергии, космические средства выведения, перспективные конструкционные материалы, новейшие цифровые технологии, робототехнические системы (в том числе и с элементами искусственного интеллекта), нанотехнологии. Военно-технический перевес, по мнению, например, бывшего председателя Комитета начальников штабов (КНШ) адмирала М. Маллена, – решающее условие стратегического превосходства ВС США над любым вероятным противником.

Для реализации военно-технического перевеса перед лицом любого потенциального противника в США с 1958 г. функционирует Управление перспективного планирования оборонных научно-исследовательских работ ДАРПА (*Defense Advanced Research Projects Agency – DARPA*). Сформированное в рамках Министерства обороны в ответ на запуск в СССР первого искусственного спутника Земли управление выполняет важнейшую функцию – поддержание технологического лидерства в сфере обороны и предотвращение технологических вызовов, способных подорвать военно-стратегическое превосходство США. Реализуется эта функция путём управления и спонсирования высокорисковых и высокорезультативных исследований в наукоёмких отраслях промышленности, обеспечивающих сокращение разрыва между фундаментальными исследованиями и их военным (прикладным) применением.

Главная цель управления, как отмечали в своей книге «Роль ДАРПА в развитии революции в военном деле» [42] сотрудники Института оборонного анализа Р. ван Атта и М. Липиц, состоит в инициировании прорывных высокорисковых разработок в интересах обороны и безопасности, модернизации вооружённых сил, создании инновационных технологий. Управление формирует научные представления о возможных угрозах, критически значимых для обеспечения национальной безопасности США, причинах их возникновения и путях устранения. Оно организует поиск и заказ на разработку, апробацию и сопровождение перспективных инновационных научно-технических идей и передовых конструкторских и технологических решений в области создания высокоэффективных систем вооружений и военной техники, производства высокотехнологичной продукции военного и двойного назначения, осуществляет финансирование этих мероприятий и проектов. На политико-военном уровне, в частности, в области принятия быстрых и эффективных решений по развитию инновационных технологий (военного и двойного назначения)*, деятельность ДАРПА считается

* Среди наиболее известных научно-технических достижений управления – Стратегическая оборонная инициатива (СОИ); технологии «стелс»; спутниковая система глобального позиционирования *GPS (Global Positioning System)*; ракета-носитель «Сатурн-5», доставившая американских астронавтов на Луну; беспилотная авиация; штурмовая винтовка *M-16*; предшественник Интернета – Арпанет (*Advanced Research Projects Agency Network – ARPANet*). При этом бюджет ДАРПА относительно невелик. Например, в 2011 фин. г. он составил 3,1 млрд. долл. В штат управления входит несколько сотен сотрудников, которые определяют потенциальные прорывные направления развития научно-технического прогресса в области обороны и выступают в роли заказчика инновационных технологий.

весьма эффективной. Предмет особого интереса управления – междисциплинарные исследования, формирование межвидовых решений, разработка технологий двойного назначения. Некоторые исследователи считают, что ДАРПА служит «технологическим двигателем» реформирования Минобороны и вооружённых сил в целом, создание же прорывных военных технологий – задача долгосрочного процесса трансформации американских вооружённых сил в «армию нового типа» [2]. А исследователь из Джорджтаунского университета Д. Уско считает, что уже в ближнесрочной перспективе для нужд вооружённых сил США будет применяться принцип «дистанционного прототипирования», при котором структуры материально-технического обеспечения, используя новейшие цифровые технологии и высокотехнологичное оборудование смогут вместо доставки запчастей на поле боя производить их на месте [41].

Отметим, что американское военное руководство существенно продвинулось в этом направлении, широко внедрив в деятельность структур материально-технического обеспечения специальные технологии, позволяющие реагировать на потребности войск в режиме реального времени.

Как показывают проводимые в США исследования, при выборе стратегии в области развития инновационных технологий американские военные специалисты в первую очередь учитывают следующие факторы: значительное влияние на систему национальной безопасности асимметричных угроз; необходимость расширения сферы применения гражданских технологий в военной области; потребность в ускоренном развитии концепции «революции в военном деле». В частности, об этом пишет авторитетнейший специалист по данным вопросам М. О'Хэнлон в книге «Наука о войне» [33].

По мнению многих американских экспертов, в начале XXI в. стартовал новый виток глобальной технологической гонки вооружений, лидером в которой выступают США. Американские специалисты (в частности, С. Джерми [19], Дж. Гэнслер [13], У. Хартунг [15], П. Сингер [38], М. ван Кривелд [43]) выделяют следующие важнейшие тенденции развития военных технологий, которые к концу десятилетия могут оказать революционное воздействие на формы и методы ведения боевых действий и будут сопоставимы с появлением в XIV веке огнестрельного оружия. К ним относятся:

- комплексная информатизация боевого пространства, в результате чего резко повысится ситуационная осведомлённость, переход к сетцентричным принципам управления боевыми действиями;
- милитаризация космического пространства, что будет способствовать революционной трансформации организационных и оперативно-стратегических концепций;
- освоение беспилотной авиацией гиперзвуковых скоростей и больших высот, что сделает её неуязвимой для современных систем ПВО;
- развитие беспилотных и безэкипажных роботизированных систем вооружений, что резко изменит картину всего боевого пространства;
- комплексное снижение заметности боевых платформ во всех физических полях, переход к управлению физическими полями боевых средств в зависимости от поставленных задач (технологии «стелс» второго поколения);

- развитие самонаводящихся боеприпасов, определяющих приоритетность целей, а также высокопроизводительных автоматизированных систем боевого управления, действующих в автономном от человека режиме;

- создание оружия на новых физических принципах, способного значительно повысить поражающую способность новейших систем вооружений.

В целом, главная тенденция развития в сфере военных технологий, как считают, например Н. Фридмен [12] и П. Митчелл [28], повышение автономности боевых платформ, снижение их зависимости от действий оператора, в том числе в рамках перехода к концепции «сетевцентричной войны» (с рассредоточенными в боевом пространстве датчиками поступления информации, средствами по её обработке и передаче, боевыми платформами)*. Планируется, что уже в недалёком будущем оператор автономных роботизированных многофункциональных систем вооружений (в том числе с элементами искусственного интеллекта) будет либо полностью исключён из процесса принятия решений по применению боевых средств, либо его участие будет сведено лишь к блокированию несанкционированного решения, принятого автоматизированной системой управления.

Как следует из многочисленных исследований американских аналитиков в области изучения перспективных форм и методов ведения боевых действий, в эпоху мировой тенденции сокращения численности вооружённых сил инновационные военные технологии становятся эффективным инструментом, позволяющим не только сохранить жизни военнослужащих, но и получить ряд важных военно-стратегических преимуществ над противником, повысить боевые возможности воинских формирований в целом [44].

В качестве прорывных военных технологий, способных изменить характер ведения боевых действий в XXI веке, американское военное руководство рассматривает, прежде всего, беспилотные летательные аппараты (ударные и разведывательные), а также безэкипажные роботизированные комплексы (наземные, подводные и надводные), которые уже к концу десятилетия должны частично заменить военнослужащих на ТВД. Планируется, что за человеком останется лишь функция оператора, осуществляющего управление многоцелевыми платформами в боевом пространстве.

Отметим, что БЛА применяются американскими вооружёнными силами в боевых действиях с конца 1990-х годов, в частности в Ираке и Афганистане. При этом наиболее активно используются аппараты *MQ-1 «Придейтор» (Predator)* и *MQ-9 «Рипер» (Reaper)*, в которых реализованы технологии снижения заметности в различных спектральных диапазонах. Эти высокотехнологичные роботизированные разведывательно-ударные авиационные комплексы не только обеспечивают получение необходимого объёма разведанных. С их помощью также осуществляются высокоточные удары, в том числе в труднодоступных районах и по хорошо укреплённым объектам.

В целях наращивания боевых возможностей стратегической бомбардировочной авиации, наряду с активной модернизацией стоящих на вооружении тяжелых бомбардировщиков, которые планируется сохранить в боевом составе

* Подробнее см.: Корсаков Г.Б. Войны будущего в исследованиях американских авторов // США ❖ Канада. 2008. № 6. – Ред.

до 2040-х годов, в США осуществляется программа разработки стратегического ударного бомбардировщика следующего поколения [43]. Работы ведутся двумя группами фирм – разработчиков проекта. Первую группу возглавляет корпорация «Локхид – Мартин», вторую – корпорация «Нортроп – Грумман».

Основное требование к стратегическому бомбардировщику следующего поколения со стороны американского военного руководства – способность уничтожать объекты в глубине территории противника высокоточными средствами поражения в неядерном оснащении. При этом функция носителя ядерного оружия за перспективным бомбардировщиком также будет сохранена в качестве приоритетной.

При создании новейшего стратегического бомбардировщика планируется использовать передовые технологические достижения, опробованные в процессе разработки, изготовления и проведения лётных испытаний тактических истребителей-бомбардировщиков *F-22 «Рэптор» (Raptor)* и *F-35 «Лайтнинг-2» (Lightning)* фирмы «Локхид–Мартин», стратегического бомбардировщика *B-2A «Спирит» (Spirit)* фирмы «Нортроп–Грумман», а также инновационные технологии, реализованные в демонстрационных образцах боевых беспилотных летательных аппаратов *X-45A* фирмы «Боинг», *X-47B* фирмы «Нортроп – Грумман» и «Поулкэт» (*Polecat*) фирмы «Локхид – Мартин». По расчётам американских специалистов, полномасштабная разработка новейшего стратегического бомбардировщика должна начаться в 2013 г., а принятие на вооружение – в 2017 г., с формированием первой боеготовой эскадрильи не позднее 2020 г. Общая стоимость программы приобретения с учётом поставки в войска до 100 машин может составить около 30 млрд. долларов. Причём количество планируемых к поставкам в боевые подразделения новых машин командование ВВС напрямую связывает с оснащением существующих и перспективных типов стратегических бомбардировщиков новейшими крылатыми и управляемыми ракетами большой дальности, в первую очередь ракетой *JASSM (Joint Air to Surface Standoff Missile)*, различные модификации которой имеют дальность от 1300 до 2500 км.

По мнению американских экспертов, в случае успешной реализации этой программы ВВС получат на вооружение стратегический бомбардировщик, способный наносить высокоточные удары на межконтинентальную дальность, что, в свою очередь, не позволит допустить в перспективе снижения боевых возможностей стратегической авиации и последовательно отработать наиболее критичные технологии, необходимые для создания машин следующего поколения.

Активные мероприятия проводятся и в области гиперзвуковых летательных аппаратов, способных выходить в верхние слои атмосферы и имеющих трансконтинентальную дальность, в частности гиперзвуковой крылатой ракеты *X-51A «Уэйв райдер» (Wave Rider)* фирмы «Боинг». Работы по созданию новейших авиационно-космических систем ведутся и в так называемой зоне 51 (штат Невада), где все исследования идут в закрытом режиме [18].

Приоритетными в США считаются также НИОКР в профильных лабораториях по созданию оружия на новых физических принципах, в частности, различных видов оружия направленной энергии (*directed energy weapons*) [47]. Так, разработка твердотельных лазеров (*solid-state laser*) ведётся в ВВС по

программе *BLA (Boeing Laser Avenger)*, в сухопутных войсках по программе *HLONS (HMMVV Laser Ordnance Neutralization System)*. Руководство ВМС отвечает за исследования и разработку лазерной установки на свободных электронах (*free-electron laser*) по программе *MLD (Maritime Laser Demonstration)*.

Таким образом, динамика развития новой революции в военном деле предопределяет и характер военного строительства в США, цель которого не количественное, а прежде всего качественное усиление военной мощи, обеспечивающее возможность глобального проецирования силы.

Стратегический ориентир новой революции в военном деле

Заметным вкладом в обсуждение на страницах научной литературы темы новой военной революции стала вышедшая в конце 2010 г. в издательстве Стэнфордского университета книга научного сотрудника Программы исследований национальной безопасности Гарвардского университета Д. Адамского «Культура военной инновации: влияние культурных факторов на революцию в военном деле в России, Соединённых Штатах и Израиле»[2]. В ней автор прослеживает воздействие американской стратегической культуры на взгляды военных специалистов и аналитиков на революцию в военном деле, рассматривает технологические и концептуальные подходы к военным инновациям, основывающиеся на разведывательных оценках военно-технической революции в СССР, значительно повлиявшей на американскую РВД. Автор проводит несколько фундаментальных общественных и когнитивных характеристик, которые формируют американскую стратегическую культуру, а именно: «американский путь войны»; «стратегическое мышление»; инженерный подход к безопасности; значение фактора времени; роль и значение Комитета начальников штабов; роль технологии в военном деле; склонность к этноцентризму. Он также предпринимает попытку дать военно-политическому руководству США некоторые рекомендации, связанные с реформированием вооружённых сил.

Д. Адамский справедливо отмечает, что новая РВД испытывает всё возрастающее воздействие новейшего компонента научно-технического прогресса – информационной революции. Именно широкое внедрение в военное дело в начале 1990-х годов цифровых технологий, ранее разработанных для гражданских информационно-коммуникационных систем, стало основанием для начала новой военной революции. Её активному обсуждению в американском экспертном сообществе способствовало также успешное в целом применение в первой войне против Ирака (1991 г.) новейших образцов управляемого высокотехнологичного оружия, истребителей-бомбардировщиков, созданных по технологии «стелс», а также демонстрация возможности управлять боевыми действиями с территории США с применением космических систем связи, разведки и навигации.

По мнению Адамского, революция в военном деле – результат не столько вливания дополнительных финансовых средств, сколько, и прежде всего, нового мышления военно-политического истеблишмента.

Проведённые многими аналитиками исследования в этой области, в том числе Б. Хьюзером из Кембриджа [16], Дж. Краска из Оксфорда [22], С. Джер-

ми [19], М. О'Хэнлоном [33], а также рядом других [10], показывают, что содержание концепции «революции в военном деле» в её нынешней трактовке в основном сводится к следующему:

- массированное применение информационных и телекоммуникационных технологий в системах связи, разведки, навигации и управления;
- ведение боевых действий с помощью управляемого высокотехнологичного оружия, запускаемого вне зоны действия оборонительных систем противника;
- исключение или минимизация собственных и сопутствующих потерь и разрушений;
- ведение активного информационного противоборства, в частности информационно-психологического воздействия на противника ещё до начала боевых действий (с целью снижения его воли к сопротивлению);
- быстротечность военной фазы конфликта.

Между тем, фундаментальные изменения, произошедшие в геополитической структуре мира после окончания «холодной войны», а также новые технологические вызовы подрывают основы всего мирового силового баланса в XXI веке и накладывают определённые ограничения на систему военного строительства ведущих стран мира. Так, по мнению многих американских аналитиков (в частности Дж. Блэка [4], М. ван Кривелда [43]), в постбиполярном мире принцип паритета (равенства в количестве определённых типов ядерных и обычных вооружений) утратил свою актуальность в силу невозможности произвести сравнительную оценку высокотехнологичных систем вооружений с различными техническими характеристиками по дальности, поражающему фактору, стратегической мобильности. К тому же очередной этап РВД обесценивает традиционные формулы подсчёта военно-стратегического баланса, которые не учитывают играющие ныне решающую роль системы боевого управления, разведки, связи и навигации, созданные на основе новейших цифровых технологий. Новые возможности концентрации огневой мощи дальнобойных высокотехнологичных систем вооружений обесценивают также и значение принципа сосредоточения сил, а следовательно, и количественных показателей при подсчёте военно-стратегического баланса.

Упомянутый выше Д. Адамский считает, что определение соотношения сил при планировании военных операций становится в современных условиях весьма сложной задачей. Военно-стратегический баланс, по его мнению, уже в среднесрочной перспективе будет определяться трудно поддающимися количественному подсчёту нематериальными факторами, а именно: квалификацией военнослужащих, их боевым опытом и способностью быстро адаптироваться к постоянно изменяющимся условиям боевой обстановки. Поэтому и формирование современной военно-политической стратегии требует трансформации на концептуальном уровне всей военной доктрины в целом.

Например, в рамках концепции, разработанной в США ещё в середине 1990-х годов, предполагалось создать военный потенциал, необходимый для одновременного ведения двух региональных войн. Впоследствии декларировалась возможность достижения полной победы сначала на одном ТВД (одновременно удерживая исходные позиции на другом) силами ограниченного контингента сухопутных войск при поддержке с воздуха. И лишь после успешного завершения одной региональной войны дополнительные воинские

формирования планировалось перебросить на другой ТВД. На различных уровнях американского военно-политического руководства предлагалось сменить концепцию одновременной победы в двух крупных конфликтах на концепцию, предполагающую победу в одной большой войне и поддержание сил для проведения операций по стабилизации обстановки на другом ТВД, что позволило бы сократить вооружённые силы и использовать высвободившиеся средства для повышения их боеготовности. Тем не менее, согласно нынешней военно-политической стратегии, которая только начинает обретать чёткую формулировку, США намерены поддерживать военный потенциал, необходимый для практически одновременного ведения боевых действий в двух важнейших для них регионах планеты.

Многие американские аналитики, в том числе Зб. Бжезинский [5], а также К. Хилл [17] и П. Миллер [27], отмечают, что в условиях быстро меняющейся геополитической ситуации ряд принципов американской военной политики периода «холодной войны» устарел и уже неприменим к современным реалиям. Поэтому США всё больше нуждаются в выработке так называемой «большой стратегии», охватывающей цели внешней политики и политики в области обороны и безопасности, которые определяли бы и средства для их достижения. По их мнению, следует наметить альтернативные варианты стратегии национальной безопасности с учётом имеющихся ресурсов и разработать детальные планы по их осуществлению. Успешной реализации такой стратегии (и это подтверждает американская стратегическая культура), могут способствовать следующие факторы: принятие большинством американского общества стратегии глобального лидерства и вовлечённости; возведение в ранг приоритета прежде всего стратегических интересов США; осуществление стратегического планирования в военной сфере; поиск необходимых ресурсов для реформирования ВС; разработка новых подходов к реализации военной политики. Такого же мнения в целом придерживается и американский аналитик А. Абелла в книге «Солдаты разума» [1].

Некоторые авторы, изучив опыт боевых действий ВС США в Ираке и Афганистане, указывают на то, что оснований для военно-силового доминирования Соединённых Штатов в мире становится всё меньше. Подавляющее преимущество в оперативно-стратегических концепциях и новейших технологиях позволяло американским вооружённым силам на протяжении последних двух десятилетий иметь беспрепятственный доступ в любой регион планеты, а также выполнять обязательства перед союзниками по обеспечению региональной безопасности. Однако, как отмечают многие эксперты, эти стратегические преимущества США начинают убывать. Так, президент вашингтонского Центра стратегических и бюджетных оценок Э. Крепиневич в статье «Убывающие активы Пентагона: ослабление основ американской мощи» прямо указывает на то, что традиционные средства и методы стратегической переброски американских войск, а также беспрепятственный (до недавних пор) доступ в различные регионы планеты превращаются в убывающий актив [23]. Распространение новейших военных технологий в сочетании с дальнейшим экономическим и научно-техническим усилением «поднимающихся» держав, а также ростом военной мощи враждебных по отношению к США государств, по мнению автора, ведёт к тому, что продолжение американской миссии в зонах

жизненно важных стратегических интересов (включая Юго-Восточную Азию и регион Персидского залива) становится для США всё более дорогостоящим. А уже развёрнутым там американским воинским контингентам будет всё труднее выполнять свои задачи. Поэтому, считает Крепиневич, необходим «пересмотр фундаментальных стратегических принципов позиционирования США в мире», сравнимый по масштабу с теми усилиями, которые были предприняты США в самом начале периода «холодной войны». Именно тогда в американский политический лексикон вошёл термин «убывающий актив». Когда в августе 1949 г. СССР произвёл первое испытание своего ядерного оружия, американский ядерный потенциал, пишет Крепиневич, превратился в убывающий актив. Вскоре после этого США предприняли беспрецедентные усилия по разработке стратегии ядерного сдерживания СССР. Компенсация утраты ядерной монополии потребовала использования значительного технологического превосходства и первенства США в ряде прорывных направлений науки и техники для создания термоядерного оружия, обладающего разрушительной силой, многократно превосходящей мощность ядерного оружия. Не менее важными с точки зрения обеспечения национальной безопасности, по мнению Крепиневича, были усилия американского руководства по созданию средств для стратегической переброски крупных воинских контингентов на удалённые ТВД. В дальнейшем эта способность была продемонстрирована во время войн в Корее, Вьетнаме и Персидском заливе, а после окончания «холодной войны» – в масштабной отправке крупных экспедиционных формирований в Ирак и Афганистан. Однако доставка войск в зоны жизненно важных стратегических интересов с применением действующих оперативно-стратегических концепций становится для США всё более затруднительной.

Другая проблема для США – решимость «поднимающегося» Китая помешать их проникновению в Юго-Восточную Азию. Широкий доступ (в том числе благодаря глобализации военных поставок) различных негосударственных структур и террористических группировок к приобретению неядерного высокотехнологичного оружия, в частности, управляемого ракетного и артиллерийского вооружения Крепиневич также назвал «убывающим активом» Пентагона. Ещё один «убывающий актив – растущая уязвимость США в космосе и киберпространстве. Так, операции, проводимые противниками Соединённых Штатов в глобальном информационном пространстве, могут нанести значительный ущерб не только национальной экономике, но и всему американскому оборонно-промышленному потенциалу.

На основании этого Крепиневич приходит к выводу, что инвестиции, направляемые американским руководством на создание некоторых новейших систем вооружений, могут быть преждевременными, а изъятие финансовых средств из явно убывающих активов следует считать первостепенной задачей, особенно в период растущих экономических и бюджетных ограничений.

Снижение способности США влиять на события за пределами национальной территории может оказаться неизбежным, поэтому военно-политическому руководству необходимо уже в ближайшее время принять ряд важных стратегических решений в этой области. Такого мнения придерживаются немало число американских экспертов [11; 25; 37; 39].

Профессор Высшей военно-морской школы Дж. Аркилла в статье «Новые правила войны» достаточно резко критикует американское руководство за то, что оно не понимает последних тенденций в области военного строительства [3]. «Мир вступил в информационную эру, а технологические прорывы двух последних десятилетий, сравнимые по масштабу воздействия с последствиями произошедшей два века назад индустриальной революции, совпали с наступившей после окончания «холодной войны» эпохой глобальной политической нестабильности. Тем не менее, значительная часть американского военно-политического истеблишмента вступает в неё с прежними установками и представлениями, в соответствии с которыми новейшие технологические инструменты способны лишь усилить действовавшие прежде правила войны», — пишет Аркилла. Многие высокопоставленные чины Минобороны, по его мнению, продолжают придерживаться точки зрения, согласно которой стратегия «шока и трепета», а также предложенная в начале 1990-х годов тогдашним председателем КНШ генералом Колином Пауэллом доктрина «превосходящей силы» только ещё более окрепла благодаря использованию большого количества управляемого оружия, беспилотной авиации, а также высокотехнологичных средств глобальной коммуникации.

Между тем, продолжает профессор Аркилла, «ничто не может быть дальше от истины, и об этом столь неприятным образом свидетельствует положение дел в Ираке и Афганистане, которое ясно показывает, что масштабное применение военной силы приводит лишь к массовым жертвам среди мирного населения, а также к быстрой адаптации сетевых структур к изменениям и сохранению способности наносить ответные точечные удары». Для того чтобы кардинальным образом исправить ситуацию, он предлагает перейти к построению вооружённых сил по модульному принципу, когда воинские контингенты будут формироваться непосредственно под ту или иную задачу. Важнейшим принципом ведения боевых действий в войнах будущего Аркилла считает формирование воинских подразделений в виде «стай», которые будут осуществлять пульсирующие атаки на противника одновременно с разных направлений, но с высокой поражающей способностью.

В отношении видов ВС, наиболее приспособленных к глобальному проецированию силы на удалённые ТВД (ВМС и ВВС), Аркилла предлагает сделать акцент на создании и развертывании большого количества многофункциональных, высокоскоростных, значительно меньших по размеру и недорогих боевых платформ, оснащённых новейшим высокотехнологичным оружием с большой поражающей способностью. Например, в ВМС он предлагает отказаться в среднесрочной перспективе от авианосцев из-за их высокой уязвимости и сделать упор на массированное применение малозаметных, бесшумных подводных лодок, а также безэкипажных, дистанционно управляемых подводных аппаратов. В ВВС — использовать меньшие по составу авиакрылья и также перейти к массированному применению высотной беспилотной авиации (разведывательной и ударной).

В качестве экспедиционных формирований, применяемых за пределами национальной территории, помимо подразделений сухопутных войск, Корпуса морской пехоты и сил специальных операций, некоторые американские эксперты предлагают широко использовать сотрудников частных военных компа-

ний [9]. Так, по мнению М. Данигена из Стэнфордского университета, частные военные компании со временем будут играть всё большую роль в военных конфликтах, что подтверждается опытом ведения боевых действий в Ираке, Афганистане и Югославии. До сих пор частные военные компании осуществляли в основном функции обеспечения безопасности американских стратегических объектов и граждан, находящихся за границей. Однако главным достоинством частных военных компаний считается, по его мнению, возможность использовать их сотрудников в тех случаях, когда применение регулярных ВС нецелесообразно по различным причинам (например, когда их развёртывание на территории другого государства может вызвать политическую напряжённость).

Отметим, что американское руководство может использовать сотрудников таких компаний в обход ограничений, которые накладываются существующими механизмами гражданского контроля над вооружёнными силами (например, законодательное ограничение численности воинского контингента, направляемого за рубеж). Кроме того, частные военные компании обладают и другими преимуществами перед регулярными ВС, в частности их сотрудников можно скрытно перебросить в любой регион планеты. При этом американское руководство имеет возможность, не вмешиваясь в конфликт на официальном уровне, добиваться поставленных политических и военно-стратегических целей. Таким образом, уже в недалёком будущем частные военные компании могут стать одним из основных инструментов реализации военной политики Вашингтона за пределами национальной территории.

Трансформация оперативно-стратегических концепций

Военно-политическое руководство США всегда уделяло большое внимание теоретической проработке различных аспектов реализации военной политики. Ведущую роль в этом играет Комитет начальников штабов, осуществляющий концептуальное обоснование политики обеспечения национальной безопасности. Так, в феврале 2011 г. КНШ утвердил очередную «Национальную военную стратегию» [30]. В предисловии к документу тогдашний председатель КНШ М. Маллен отмечал, что в стратегии «сделан акцент на пересмотр лидирующей роли США в мире и её адаптацию к вызовам новой эпохи». При этом главными целями обеспечения национальной безопасности в военной сфере были названы способность военно-политического руководства незамедлительно реагировать на возникающие вызовы, используя весь потенциал национальной военной мощи, формировать союзнические коалиции, поддерживать военно-стратегическое и технологическое превосходство над любым вероятным противником.

Как следовало из документа, «стратегия апробирована в ходе боевых действий и сосредоточена на формировании модульных сил общего назначения, которые смогут эффективно применяться в военных операциях различной интенсивности». Основное внимание в документе уделено оптимальному сочетанию «жесткой» и «мягкой» силы в рамках реализации американской военно-политической стратегии. Считается, что такой подход может значительно повысить политический вес США в мире.

В сфере противодействия международному терроризму американское военное руководство планирует формировать долгосрочные региональные партнёрства с союзниками, а также препятствовать поддержке террористических организаций со стороны руководства «проблемных» стран, в том числе за счёт усиления роли правительств этих стран и укрепления законодательной базы. Серьёзное внимание в документе уделено Азиатско-Тихоокеанскому региону, в частности Китаю.

В целом, по мнению разработчиков документа, ситуация в мире характеризуется динамичной трансформацией системы международных отношений, которая сопровождается политической конкуренцией, а также стремлением ряда государств усилить своё влияние на мировую политику, в том числе путём создания ракетно-ядерного оружия. Поэтому значение военно-силовых аспектов международных отношений, по мнению американских военных специалистов, должно и впредь оставаться весьма существенным.

Для практического осуществления этих доктринальных установок американское военно-политическое руководство провело ряд организационных мероприятий. Так, в целях усиления оперативного взаимодействия экспедиционных формирований ВВС, ВМС и Корпуса морской пехоты (КМП) в ноябре 2011 г. в рамках Министерства обороны было сформировано управление, предназначенное для реализации новой оперативно-стратегической концепции «воздушно-морского сражения» (*air-sea battle*) [6]. Концепция предусматривает широкую интеграцию этих видов ВС для защиты национальных интересов в «регионах с ограниченным доступом». При этом американские вооружённые силы уже обладают высоким уровнем интеграции (концепция «объединённости») в рамках проведения сетецентричных операций различной интенсивности.

Отметим, что разработка концепции «воздушно-морского сражения» и формирование профильного управления начались ещё в 2009 г. после подписания тогдашним министром обороны Р. Гейтсом меморандума, закреплявшего главную цель проводимых мероприятий – стратегическое сдерживание растущих военно-политических амбиций Китая в АТР. Планировалось, что основным инструментом в решении этой задачи станет ударная беспилотная палубная авиация, многоцелевые атомные подводные лодки, экспедиционные формирования КМП, а также силы специальных операций. Именно эти компоненты ВС США должны будут нести основную нагрузку при проведении военных операций в регионе, в том числе при постановке минных заграждений, а также для обороны с воздуха и моря американских военно-морских баз. Вместе с тем, появлению концепции «воздушно-морского сражения» предшествовало принятие штабами видов вооружённых сил США пакета доктринальных документов, свидетельствующих о серьёзной корректировке американской военной доктрины. Так, в 2007 г. была принята «Совместная стратегия морской мощи XXI века» – ключевой документ, обозначивший очередной этап развития американской военно-морской стратегии [7]. А в 2010 г. в развитие этого доктринального документа была принята «Концепция военно-морских операций», ставшая его логическим продолжением [31]. В 2008 г. был опубликован доктринальный документ КМП, сформулировавший значение морского десанта, флота универсальных десант-

ных кораблей и «уникального набора возможностей» Корпуса морской пехоты для целей национальной безопасности до 2025 года^{*}.

В январе 2012 г. президент Б. Обама и министр обороны Л. Панетта утвердили «Стратегическое руководство в области обороны» [40]. В документе были названы основные стратегические задачи, решение которых составит основу военной политики Вашингтона до 2020 г. Это:

- противодействие международному терроризму и иррегулярным формированиям;
- сдерживание агрессии и достижение победы;
- создание средств противодействия мероприятиям по наращиванию «потенциала перекрытия доступа» (*anti-access/area denial*), направленным на формирование оперативных и технических ограничений на доступ иностранных воинских контингентов на территорию ряда стран и в прилегающие акватории;
- противодействие распространению ОМУ;
- активные операции в киберпространстве и космосе;
- поддержание безопасного и эффективного потенциала ядерного сдерживания;
- оборона национальной территории и поддержка гражданских властей;
- поддержание потенциала передового присутствия;
- проведение операций по стабилизации обстановки и контрповстанческих операций;
- проведение гуманитарных и других операций.

Б. Обама заявил тогда, что принятие этого документа «диктуется целями определения стратегических интересов США и связанных с этим военных расходов в предстоящем десятилетии, поскольку структура вооружённых сил, а также выделяемые им ассигнования должны быть адекватны стратегическим задачам» [36]. Он также отметил, что современные вызовы Соединённым Штатам не могут быть предотвращены только с использованием военной силы. Для этого, по его мнению, необходимо задействовать все компоненты национальной мощи, а также соответствующий потенциал союзников и партнёров США.

Особое внимание президент уделил расширению американского присутствия в АТР, указав, в частности, что Вашингтон намерен разместить дополнительные воинские контингенты в Австралии, усилить корабельные группировки в прилегающих акваториях и продолжать выделять необходимые средства союзникам и партнёрам для обеспечения стабильности в регионе. Кроме того, США сохраняют военное присутствие на Ближнем Востоке, поскольку угрозы, исходящие из этих критических с точки зрения обеспечения национальной безопасности США регионов мира, и непредсказуемость изменения ситуации в них требуют сохранения (и даже усиления) там американских воинских контингентов.

Как следует из заявления Обамы, Вашингтон собирается и в будущем при проведении совместных операций полагаться на европейских союзников по НАТО, так как они, хотя и ориентируются в первую очередь на достижение собственных целей, тем не менее, привержены целям и задачам альянса. От-

^{*} Подробно см.: Бочаров И.Ф. Возрастание ведущей стратегической роли американских ВМС // США ❖ Канада. 2011. № 9. – Ред.

метим, что такая установка американского руководства на международные коалиции, возглавляемые Соединёнными Штатами, стала предметом серьёзного анализа многих американских экспертов [14; 24].

Министр обороны Панетта заявил в свою очередь, что «основной идеей новых стратегических установок США служит постепенная трансформация американских ВС в сторону создания к 2020 г. боеготовых формирований, которые смогут обеспечить решение всего спектра задач в условиях сокращения ассигнований на оборону» [35]. Он также отметил, что США будут укреплять сотрудничество с государствами Юго-Восточной и Южной Азии (в первую очередь с Индией), которые обладают необходимыми средствами и возможностями для обеспечения безопасности и соблюдения экономических и военно-стратегических интересов США в регионах, прилегающих к Индийскому океану. Вашингтон намерен и впредь поддерживать стабильность на Корейском полуострове, для чего планируется сосредоточить усилия на дальнейшем совершенствовании глобального режима нераспространения ядерных и ракетных технологий.

Что касается Китая, то Вашингтон намерен и дальше вести с ним стратегический диалог, чтобы иметь свободный доступ в этот регион планеты, ибо США, заявил Панетта, собираются «усилить свою военную мощь» в АТР и Юго-Восточной Азии. В частности, планируется к 2020 г. сосредоточить в акватории Тихого океана около 60% надводных кораблей и подводных лодок, а из 11 авианосцев шесть будут нести боевое дежурство в прилегающих акваториях.

Новые стратегические установки Вашингтона, по словам Панетты, служат ответом на рост военных приготовлений Китая, «представляющих угрозу для свободы навигации на стратегических морских путях и в других оперативных пространствах». Поэтому США, как «традиционная тихоокеанская держава, должны приложить больше усилий для строительства стратегических альянсов в регионе, при этом сокращения военного бюджета не повлияют на эти планы». Достичь этого Вашингтон планирует путём проведения совместных манёвров с региональными союзниками, в первую очередь с Японией, Южной Кореей, Австралией и Новой Зеландией. Однако планируется вовлечь в орбиту американского влияния и другие страны региона (например, Вьетнам, Филиппины, Таиланд, государства Океании). Об этом же упоминается и в ежегодном докладе Министерства обороны США [26].

Другим важнейшим для США регионом мира, где могут возникнуть непредвиденные осложнения международной обстановки, Панетта назвал регион Персидского залива. Для парирования возможных угроз Минобороны также планирует обеспечить здесь необходимый режим безопасности, для чего будет активно взаимодействовать с региональными союзниками и партнёрами Соединённых Штатов с целью исключить возможность появления у Ирана ядер-

* Исследованию военной политики Китая, а также планов разработки им новейших систем вооружений посвящены работы и ряда других американских аналитиков [см.: 20; 21; 34; 45; 46]. О возможных последствиях американо-китайского конфликта и его влияния на всю систему региональной безопасности пишет и директор Центра международной безопасности и оборонной политики корпорации РЭНД Дж. Доббинс в своей статье «Война с Китаем» [8].

ного оружия и воспрепятствовать процессу потенциальной разбалансировки в нём военно-политической ситуации.

Из доклада Панетты также следовало, что Минобороны планирует сократить американское военное присутствие в Европе и пересмотреть вклад в обеспечение обороноспособности европейских стран. Тем не менее, все ранее взятые Вашингтоном обязательства по укреплению Североатлантического альянса были подтверждены, а усиление функциональных возможностей вооружённых сил стран НАТО с повышением эффективности их взаимодействия при проведении коалиционных операций были определены как стратегический приоритет. Для этого предлагается развивать концепцию «умной обороны» (*smart defense*), включающую совместные усилия по формированию интероперабельных вооружённых сил, построенных по модульному принципу и предназначенных для решения задач с унифицированными системами вооружений и сопряжённой системой управления.

Начальник штаба сухопутных войск генерал Р. Одиерно в своей статье «Сухопутные войска США в переходный период: строительство гибких сил» обращает внимание на то, что в предстоящее десятилетие американским ВС придётся приспособиться к трём главным изменениям, а именно: сокращению бюджета Минобороны; переносу центра тяжести военных операций в АТР; повышенному вниманию к контртеррористическим операциям. Это в свою очередь потребует совершенствования тактики противодействия террористическим организациям, методов обучения союзников и партнёров США искусству формировать благоприятную стратегическую среду и способам предотвращения региональных конфликтов, а также повышению готовности к силовому реагированию на непредвиденные ситуации в различных регионах планеты [32].

Для того чтобы сокращение оборонного бюджета не повлияло на систему подготовки и оснащения боевых подразделений новейшими системами вооружений и военной техники, Одиерно предлагает сократить контингент, находящийся на боевом дежурстве. А во избежание возможного снижения боеспособности частей и соединений, которое может возникнуть из-за сокращения численности подразделений, он предлагает их разукрупнить.

Как следует из статьи, присутствие американского воинского контингента в АТР – существенный элемент сдерживания агрессии, так как затрудняет вероятному противнику задачу военного планирования и вынуждает его отвлекать значительные ресурсы на ответные действия. Помимо АТР к потенциально опасным для США регионам мира Одиерно относит также Ближний Восток, Африку и Латинскую Америку. Между тем, взаимодействие с союзниками США в Европе должно, по мнению Одиерно, остаться стратегическим приоритетом. Сокращение расходов на оборону в большинстве европейских стран, а также вывод с территории Европы двух бригад сухопутных войск не должно, по его мнению, снизить уровень военного сотрудничества между США и их европейскими союзниками. В свою очередь, Командование сухопутных войск намеренно и далее инвестировать в развитие учебных полигонов, баз материально-технического обеспечения, медицинского оснащения американского воинского контингента, остающегося в регионе. Кроме этого, стратегическим приоритетом будет оставаться дальнейшее усиление взаимодействия сухопутных войск с силами специальных операций при проведении совместных боевых

действий на удалённых ТВД. Для этого планируется более эффективно использовать возможности киберпространства для тактических подразделений.

В целях более масштабного разведывательного обеспечения действий американских вооружённых сил в различных регионах мира в апреле 2012 г. Министерство обороны приступило к формированию новой структуры – Секретной службы (*Defense Clandestine Service*), которая, как предполагается, будет тесно взаимодействовать с ЦРУ. Новое подразделение хотя и будет организационно входить в состав Разведывательного управления Минобороны, тем не менее будет самостоятельным компонентом национального разведывательного сообщества с подчинением непосредственно заместителю министра обороны по разведке. Американское военное руководство планирует, что новое подразделение Пентагона основное внимание в своей работе сосредоточит на ключевых стратегических направлениях – контртеррористических операциях, ядерном нераспространении, «поднимающихся» государствах. Инициатором создания новой структуры выступил Л. Панетта, до прихода в Минобороны возглавлявший ЦРУ. По его мнению, после завершения военных операций в Ираке и Афганистане необходимо изменить приоритеты военной разведки, а именно значительно расширить спектр разведывательных операций, выходящих далеко за рамки информационного обеспечения действий американских ВС на ТВД, а также расширить количество потребителей военно-стратегической информации, в том числе за счёт более тесного взаимодействия с другими структурами национального разведывательного сообщества.

* * *

Современная геополитическая ситуация в мире характеризуется неопределённостью в отношении источников военных угроз и их характера. Под влиянием различных факторов продолжает снижаться управляемость системы международных отношений на глобальном уровне. Большинство основных международных институтов и норм поведения слабеют или оказываются неадекватными по отношению к постоянно изменяющимся политическим, экономическим, военно-стратегическим, информационным и культурным факторам. Непредсказуемость глобального развития – серьёзный вызов всей системе международной безопасности, в том числе и национальной безопасности традиционных военных лидеров мировой политики, прежде всего США и России. Свой вклад в дело осознания весьма неоднозначных процессов, формирующихся под влиянием новой революции в военном деле, и связанных с ней военных инноваций и стремятся внести участники дискуссий по стратегическим проблемам.

Список литературы

1. *Abella A.* Soldiers of Reason: The RAND Corporation and the Rise of American Empire. Orlando: Harcourt Books, 2008. 400 p.
2. *Adamsky D.* The Culture of Military Innovation: The Impact of Cultural Factors on the Revolution in Military Affairs in Russia, the U.S., and Israel. Stanford: Stanford University Press, 2010. 248 p.
3. *Arquilla J.* The New Rules of War // Foreign Policy. March/April 2010. P. 60-67.
4. *Black J.* Naval Power: A History of Warfare and the Sea from 1500. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan, 2009. 240 p.

5. *Brzezinski Z.* Balancing the East, Upgrading the West: U.S. Grand Strategy in an Age of Upheaval // Foreign Affairs. January/ February 2012. P. 97-104.
6. *Cavas C.* Air-Sea Battle Office a Nexus of Networking // Defense News. 9.11.2011.
7. A Cooperative Strategy for 21st Century Seapower. Washington: U.S. Department of the Navy. October 2007.
8. *Dobbins J.* War with China // Survival. August/September 2012. P. 7-24.
9. *Dunigan M.* Victory for Hire: Private Security Companies' Impact on Military Effectiveness. Stanford: Stanford University Press, 2011. 256 p.
10. The Evolution of Operational Art: From Napoleon to the Present / Ed. by J. Olsen, M. Van Creveld. Oxford: Oxford University Press, 2010. 288 p.
11. *Flournoy M., Davidson J.* Obama's New Global Posture: The Logic of U.S. Foreign Deployments // Foreign Affairs. July/August 2012. P. 54-63.
12. *Friedman N.* Network-Centric Warfare: How Navies Learned to Fight Smarter Through Three World Wars. Annapolis: Naval Institute Press, 2009. 360 p.
13. *Gansler J.* Democracy's Arsenal: Creating a Twenty-First Century Defense Industry. Cambridge: The MIT Press, 2011. 448 p.
14. *Hart G.* After bin Laden: Security Strategy and the Global Commons // Survival. August/ September, 2011. P. 19-25.
15. *Hartung W.* Prophets of War: Lockheed Martin and the Making of the Military-Industrial Complex. London and New York: Nation Books, 2011. 336 p.
16. *Heuser B.* The Evolution of Strategy: Thinking War from Antiquity to the Present. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 592 p.
17. *Hill C.* Grand Strategies: Literature, Statecraft and World Order. New Haven: Yale University Press, 2010. 384 p.
18. *Jacobsen A.* Area 51: An Uncensored History of America's Top Secret Military Base. New York: Little, Brown and Company, 2011. 592 p.
19. *Jermy S.* Strategy for Action: Using Force Wisely in the 21st Century. London: Knightstone Publishing, 2011. 352 p.
20. *Kissinger H.* On China. London and New York: Allen Lane and The Penguin Press, 2012. 624 p.
21. *Kissinger H.* The Future of U.S. – Chinese Relations: Conflict Is a Choice, Not a Necessity // Foreign Affairs. March/ April 2012. P. 44-55.
22. *Kraska J.* Maritime Power and the Law of the Sea: Expeditionary Operations in World Politics. Oxford: Oxford University Press, 2011. 484 p.
23. *Krepinevich A.* The Pentagon's Wasting Assets: The Eroding Foundations of American Power // Foreign Affairs. July/ August 2009. P. 18-33.
24. *Kroenig M.* Time to Attack Iran: Why a Strike Is the Least Bad Option // Foreign Affairs. January/ February 2012. P. 76-86.
25. *McKean D.* After Iraq: The Trigger Doctrine // Survival. February/ March, 2012. P. 159-174.
26. The Military Power of the People's Republic of China. Annual Report to the Congress. Washington: U.S. Department of Defense. Office of the Secretary of Defense. 2012.
27. *Miller P.* American Grand Strategy and the Democratic Peace // Survival. April/May, 2012. P. 49-76.

28. *Mitchell P.* Network Centric Warfare and Coalition Operations: The New Military Operating System. New York: Routledge, 2009. 192 p.
29. *Mullen M.* Chairman of the Joint Chiefs of Staff Guidance for 2011. Washington: Joint Chiefs of Staff. January 2011.
30. The National Military Strategy of the United States of America: Redefining America's Military Leadership. Washington: The Joint Chiefs of Staff. 8.02.2011.
31. Naval Operations Concept: Implementing the Maritime Strategy. Washington: U.S. Department of the Navy. 2010.
32. *Odierno R.* The U.S. Army in a Time of Transition: Building a Flexible Force // Foreign Affairs. May/June 2012. P. 7-11.
33. *O'Hanlon M.* The Science of War: Defense Budgeting, Military Technology, Logistics, and Combat Outcomes. Princeton: Princeton University Press, 2009. 280 p.
34. *O'Rourke R.* China Naval Modernization: Implications for U.S. Naval Capabilities: Background and Issues for Congress. RL 33153. Washington: Congressional Research Service. 22.04.2011.
35. *Panetta L.* Statement on Defense Strategic Guidance. Speech. Washington: U.S. Department of Defense, 5.01.2012.
36. President Obama Speaks on the Defense Strategic Review. Washington: The White House, 5.01.2012.
37. *Rumsfeld D.* Known and Unknown: A Memoir. New York: Sentinel HC, 2011. 832 p.
38. *Singer P.* Wired for War: The Robotics Revolution and Conflict in the 21st Century. New York and London: Penguin Press, 2009. 512 p.
39. *Stevenson J.* Echoes of Gunfire: bin Laden, the U.S. and the Greater Middle East // Survival. June/ July 2011. P. 11-18.
40. Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense. Washington: U.S. Department of Defense, January 2012.
41. *Ucko D.* The New Counterinsurgency Era: Transforming the U.S. Military for Modern Wars. Washington: Georgetown University Press, 2009. 272 p.
42. *Van Atta R., Lippitz M.* Transformation and Transition: DARPA's Role in Fostering the Emerging Revolution in Military Affairs. Alexandria: Institute for Defense Analyses, 2003.
43. *Van Creveld M.* The Age of Airpower. London and New York: Public Affairs, 2011. 512 p.
44. *Van Tol J., Gunziger M., Krepinevich A., Thomas J.* Air Sea Battle: A Point-of-Departure Operational Concept. Washington: Center for Strategic and Budgetary Assessments, 2010.
45. *Vego M.* China's Naval Challenge // U.S. Naval Institute Proceedings. April 2011. P. 36-40.
46. *Wise D.* Tiger Trap: America's Secret Spy War with China. New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2011. 304 p.
47. *Zimet E., Mann C.* Directed Energy Weapons: Are We There Yet? The Future of DEW Systems and Barriers to Success. Washington: National Defense University, Center for Technology and National Security Policy, 2009.